

Живет в Санкт-Петербурге (Россия). О себе: "Родилась в Ленинграде. Живу в Царском Селе, работаю стенографисткой. Первая публикация – в газете «Ленинские искры». Затем печаталась в журналах «Посткриптум», «Нева», «Северная Аврора», «Зинзивер», «Зарубежные записки», а также в антологиях «Стихи в Петербурге. 21 век. Платформа», «Петербургская поэтическая формация», «Антология Григорьевской премии. 2010», «Собрание сочинений. Поэзия Петербурга. 2010», «Царское село в поэзии», «Анфилада» (Германия), в сборнике «23» (ЛИТО В. Лейкина). Издано 4 поэтических сборника – «Стихи», «Пансионат», «Прощание с февралем» и «Беседка»."

* * *

В дворике старом, некогда образцовом,
я окажусь, влекомая смутным зовом –
выцедить через прутья стальных решёток
детства приметы, чей контур и цвет нечёток, -

сизой катальной горки спину слоновью,
стену с двумя именами перед любовью,
лиственный сор в засохшей чаше фонтана
и уцелевший с давешних пор неожиданно

тот постамент с облупленным дискоболом.
Краткая надпись гвоздём на копчике голом
явно не к месту и не содержит смысла.
Голень из гипса на проволоке повисла.

Помню – блестел каток на месте парковки.
Были мои движенья на льду неловки.
Маму в толпе искала, чтобы вцепиться
в вязаные снежинки на рукавице.

Но силуэт растаял за пеленою,
окна погасли, картинка стала иною.
Крошится флигель кирпичный, будто печенье.
Только пластинка поёт, что «лёгкий, вечерний

вьётся снежок», и в пепле метельных перьев
гибнет моя оставленная Помпея,
где в ледяной пустыне, гремя коньками,
я ковыляю вслед уходящей маме.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

В Коктебеле – разгар межсезонья,
обрушенья седых виноградин,
ощущенья похмелья спросонья,
сожаленья, что праздник украден.

Здесь давно не звучит караоке,
все уткнулись в свои ноутбуки.
И ди-джей – пожилой, одинокий
фонограмму врубает со скуки.

О курганах поёт опалённых,
о любви, что бывает слепую,
и на шее кадык, как цыплёнок,
оживающий под скорлупою.

Завершает гастроли в шалмане
трясогузка – тире – одалиска.
Море стонет и щупальца тянет

к шароварам её слишком близко.

Не желают туристы сниматься
на причале с плешивой шиншилой.
Доморощенные папарацци
вслед проходим косятся уныло.

Истекает закат «Изабеллой»
(здесь её – изобилье, излишек).
Веет твоей слегка перепрелой
из ущелий – из горных подмышек.

Остаётся из края идиллий
нам отчаливать минимум на год.
Искушения перебрадили
в едкий уксус раздавленных ягод.

СТАРОЙ ПОЭТЕССЕ

Между пыльных страниц, где когда-то мерцала пыльца
отлетевшего лета, фантазией детской согрета,
уподобившись бабочкам, ваши глаза в пол лица
сквозь туман монохромный вспорхнули навстречу с портрета.

...Вы пропали с Парнаса, мелькали порой в новостях –
над стальными очками топорщилась чёлка седая.
В узловатой руке вы сжимали невидимый стяг
или посох пророка, в апокалиптичность впадая.

Но однажды на party, блуждая меж потных тату,
что змеились, сползая по голым девичьим предплечьям,
вы, зелёнку абсента прижав к воспалённому рту,
исцелить немоту попытались и поняли – нечем...

Тишину не прервать, провиденье не переиграть,
у фортуны не выклянчить перед последней раздачей
те заветные знаки, что сами слетали в тетрадь
и звенели, как зёрна, под вашей лапкой цыплячьей.

Отчего порвалось полотно, что ткалось и плелось
в завитушках чернил? Где чутьё, что звалось восприятьем?
Где весёлая злость, погружение в бездну насквозь -
всё, чем в старости мы за непрошенный опыт заплатим?

[Страница автора в Сети](#)